

I.

Около 300 года до н. э. или несколько ранее в Греции появился философский роман «Священная запись», который приписывался Эвгемеру Мессенскому и содержит одну из первых попыток рационального осмысления мифологии; черты социальной утопии в «Священной записи», отмечаемые нашими историками философии¹, скорее всего играли второстепенную роль. Роман Эвгемера имел в античности огромный успех и был переведён на тридцать языков; этот бестселлер эпохи раннего эллинизма нашёл много восторженных читателей в Риме, где его перевёл Энний.

О самом Эвгемере известно очень мало: он был уроженцем Мессены, философом и путешественником; даты его рождения и смерти неизвестны. Признана большинством специалистов близость Эвгемера к школе киренаиков; предполагают, что он жил при дворе Кассандра, одного из диадохов Александра Великого. В 316 г. до н. э. этот диадох завладел Македонией и Грецией, в 306 г. до н. э. принял царский титул; умер в 297 г. до н. э., в возрасте 60 лет. Сама «Священная запись» дошла до нас в кратком изложении Диодора Сицилийского и упоминается нек<ото>рыми др<уги>ми христианскими авторами; полный текст романа Эвгемера не сохранился.

Скудостью фактического материала объясняется ~~нехватка научных~~ малочисленность специальных исследований об Эвгемере²; в нашей стране их не было вообще. Но если суждения об Эвгемере и его книге весьма затруднительны, то мимо самого явления, называемого эвгемеризмом, не может пройти ни одна серьёзная история философии и тем более ни один историк античного материализма и атеизма.

«Священная запись» содержала описание фиктивного путешествия автора из Аравии на побережье Индийского океана и описание социальных порядков трёх вымышленных островов на этом океане. В книге Эвгемера боги тракуются как порождение человека: жители острова Панхей создали

¹ Петров М. Эвгемер. — В кн.: Философская энциклопедия, М., 1970, т. 5, с. 529.

² Библиография дана М. Петровым (там же).

идеальное общественное устройство, а их видные политические деятели либо посмертно возводились в ранг богов, либо же сами создавали культ собственной личности и объявляли себя богами.

Панхейские правители Уран, Кронос, Зевс и др<уг>ие посмертно стали почитаться как боги. Эвгемер поведал поражённым современникам, что своими глазами видел на Панхее золотой столб, на к<ото>ром сам Зевс начертал свою родословную. Таким образом, Эвгемер изложил несколько наивную рационалистическую теорию о том, что боги (все) — это выдающиеся исторические лица, люди, обожествлённые за их заслуги.

Успех книги Эвгемера, вероятно, объяснялся её художественными достоинствами и ловким использованием одного из популярнейших жанров эпохи. Античная география, начиная с Анаксимандра и Гекатея Милетского, бурно развивалась; составлялись уже карты мира, Геродот подробно описал и Скифию, и кушитов; греки перевели отчёт карфагенянина Ганнона о его атлантическом плаванье вдоль берегов Африки, они уже знали о диких волосатых людях, открытых Ганноном и в греческом переводе названных «гориллами»; греки знали также, что к северу от Скифии находятся земли, где люди полгода спят (искажённое представление о полярной ночи). *Перизэгесис* (отчёт о путешествии) стал популярнейшим из документальных жанров эпохи.

Обращает на себя внимание известное сходство «Священной записи» с платоновским мифом об Атлантиде: в обоих случаях описывается идеальное общественное устройство на далёком острове. Но у Платона утопия отнесена в далёкое прошлое и трактована как миф (рассказ Солона со слов египетских жрецов); у Эвгемера его остров отделён от читателей пространственной, а не временной дистанцией и трактован как наличная реальность; Эвгемер якобы сам побывал там. Несомненно, книга Эвгемера воспринималась современниками как отчёт о подлинном путешествии, что и придавало её сенсационный характер. Эвгемер облёк вымысел в документальную форму: то была художественная мистификация, «поддельный» перизэгесис.

Но вся его ловкость не объясняет успеха эвгемеризма в истории мысли. Рационалистическое истолкование богов как обожествлённых людей и мифов как отражения реальных историч<еских> деяний возрождалось вновь и вновь на разных этапах истории философии. Христианские авторы использовали мотивы «Свящ<енной> записи» в борьбе против язычества, рассматривая эвгемеризм как разоблачение тайны античных культов: греко-римские боги — это лишь превознесённые правители. Позднее эвгемеризм был обращён против

христианства и против всякой религии вообще; эвгемерические идеи выражали Вико, Д. Юм, рационалисты XVIII века, и мн. др. Г. Спенсер и др.

Эвгемеризм возник в эпоху кризиса полисной системы и совпавшего с ним кризиса олимпийской религии древних греков, а наиболее активно возродился в эпоху заката западноевропейского феодализма и наступившего в XVIII веке кризиса христианской религии, особенно католической. Эвгемеризм — одна из форм атеизма, неверия, довольно характерная для киренаической философии, к^{ото}рая повлияла впоследствии на Эпикура.

Успех эвгемеризма нельзя объяснить только правотой материалистического миропонимания. Ведь в иные эпохи материалистов побивали камнями, безбожников изгоняли или приговаривали к смерти (в Афинах процесс Анаксагора — 430 до н. э., процесс Протагора — 411 до н. э., казнь Сократа, «вводившего новых богов», — 399 до н. э.). Почему же ничего подобного не случилось с Эвгемером и почему эвгемеризм получил широкое распространение?

Следует рассмотреть исторические предпосылки и корни эвгемеризма, его роль в контексте собственного культурного момента и его ближайшую судьбу в непосредственно последующую эпоху. Исторический подход позволит глубже осмыслить это крупное философское явление.

II.

Гипотеза Эвгемера (обожествление выдающихся личностей) не родилась в изобретательном мозгу этого философа-романиста, а явилась обобщением исторического опыта.

Имя Пифагора уже при жизни этого гениального математика, опьянённого собственными открытиями, было окружено легендами. Пифагор якобы называл себя сыном одного из богов, утверждал, что душа его уже прожила в предшествующих воплощениях 207 лет, а в одном из прежних воплощений он был даже павлином. О нём рассказывали, что у него золотое бедро, что во время своих странствий он посетил Аид и что он может одновременно пребывать в двух разных местах.

В то же время все знали, что он жил на земле, вкушал пищу людей, занимался политикой; он основал в Кротоне сильный Пифагорейский союз и выступил как главный инициатор (может быть, и организатор) разгрома

Сибариса. Иными словами, Пифагора считали не полубогом, а ч<елове>ком; в то же время легенда придавала ему черты существа сверхестественного, в каком-то смысле божественного. Пифагореизм — не столько философская школа, ~~но и своего рода~~ сколько «философская религия» со слепым преклонением перед тщательно сберегаемыми принципами, речениями и заветами Великого Учителя.

В спорах этих фанатиков математического мистицизма высшим аргументом и закрытием диспута служило знаменитое: «Сам /Учитель/ сказал!» Знали, что Пифагор — ч<елове>к, но относились к нему как к богу, только что не возводили ему алтарей.

Античные материалисты весьма иронически относились к подобной догматической аргументации и трактовали пифагореизм как нелепейший культ превознесённого ч<елове>ка: весьма талантливого учёного, но в то же время выдающегося шарлатана. Школе киренаиков с её гедонической этикой был глубоко чужд аскетизм Пифагора, как и его вегетарианство.

Если история Пифагора Самосского могла служить примером обожествления учёного, то легенда Эмпедокла Агригентского содержала иной материал: она представляла знаменитого сицилийца гением саморекламы, мифоманом, чарователем толпы. Ярко и пышно одетый, он вещал замирающим массам, что способен исцелять все болезни, укрощать ярость урагана, ниспосылать урожай плодов и вызывать из Аида души умерших. Эмпедокл бросился в кратер Этны в 423 до н. э.: по мнению современников, чтобы доказать свою божественность. Может быть, в жерло вулкана его повлекла просто научная любознательность, и Эмпедокл — вовсе не самоубийца, как сегодня принято считать, а первая жертва вулканологии?

Посмертное превознесение Пифагора и творение мифа о самом себе в случае Эмпедокла соответствует двум моделям генезиса религиозных мифов в «Священной записи» Эвгемера.

Но последний гораздо ближе стоял к другому историческому примеру — к личности и легенде Александра Великого. В этом важнейшем примере сливаются обе вышеуказанных модели.

Принципом политич<еской> стратегии величайшего завоевателя древности было применение к местным условиям. При покорении мятежной Греции он стремился сломить традиционное презрение к македонцам своею эллинистической просвещённостью. При уничтожении Фив он приказал пощадить только храмы и дом великого Пиндара; проявил великодушие и

явную симпатию к научному миру Афин; нанёс исторический визит Диогену Кинику, чрезвычайно популярному среди греческого простонародья.

Как только Александр переправился в Азию, в поведении его наступили перемены. Он попытался развязать Гордиев узел, что ему, как известно, не удалось. В ходе фантастической эпопеи восточных походов Ал<ексан>др из мира антропоморфных богов и утончённых философов перешёл в мир, к<ото>рый ещё мыслит вполне мифологически, иррационально. На Востоке недостаточно было выигрывать битвы; чтобы удержать завоёванное, необходимо было сам факт завоевания объяснить сверхъестественной причиной, ослепить простодушные народы Востока новым мифом, ибо здесь только миф помогает одержать окончательную победу.

Люди Востока не покорятся чужеземному завоевателю, но они покорятся воле богов. Александр изобрёл «божественное право». Он взялся перестраивать свою биографию в мифологическом духе.

Все знали, что его отец — одноглазый Филипп II, а мать — эфирская принцесса Олимпиада, гордая и мстительная красавица с весьма злобещей репутацией. И вот в походном стане Александра зародилась идея о пересмотре этих общеизвестных фактов — пересмотре, рассчитанном специально на восточное восприятие, как часть политической стратегии великого завоевателя. ~~Возникла версия, что Олимпиада~~

Историки считают, что идея обожествления Ал<ексан>дра была как бы навязана ему обстоятельствами. В Египте жрецы провозгласили его сыном Зевса-Аммона, и с тех пор Ал<ексан>др стал охотно говорить о своём божественном происхождении: он знал, что обожествление царей — распространённый восточный обычай. Он сам стал употреблять титул «сын Аммона». Он послал в Грецию, наместнику Антипатру, приказ: считать его, Александра, богом.

Греки посмеялись над этим приказом. Миф о том, что Александр родился не от Филиппа, а от бога Зевса, был сочинён на глазах у всех; сама вдовствующая царица Олимпиада негодовала у себя в Македонии и громко сетовала на то, что сын порочит её незапятнанную супружескую честь.

Таким образом, Александр выступил как сознательный творец мифа о себе самом; эта линия поведения была продиктована условиями Азии. в к<ото>рой он начал строить мировую державу.

Культурная и уже довольно скептическая Эллада понимала, что это политика; антимакедонская оппозиция, ещё очень сильная, смеялась над восточным мифотворчеством Александра. Но в его свите начали привыкать к

восточному стилю мышления, и злополучный историограф Каллисфен в своих «Деяниях Александра» уже описывал царя как существо божественное. Уже при жизни Александра стала складываться его легенда, в известной мере двулика: её восточный лик изображал слепое благоговение перед земным богом, а западный лишь размышлял об исключительности, «героичности» этого невиданного человека. «Герой» и означало «полубог».

Смерть Александра привела к фиксации легенды. Тело его набальзамировали и в золотом гробу отвезли из Вавилона в Александрию, где его усыпальница стала объектом своеобразного культа. Начали создаваться полуфантастические повести об усопшем, связанные с «Деяниями Александра» Каллисфена. Для египтян и азиатов Александр представлялся сверхъестественным существом. Персы объявили его законным отпрыском их царской династии (ибо только перс может победить персов!) Александр стремительно превращался в полумифическую, сказочную фигуру.

Не только мифологизация Александра, но даже героико-сказочные повести о нём никак не удовлетворяли интеллектуальную элиту Греции. Между мифом и интеллектом возникло зияние. Между тем, все царства и режимы, возникшие после распада его сверхдержавы, опирались на александровский миф. Поэтому вышеуказанное зияние требовалось заполнить. В частности, это было нужно и властителям Греко-Македонского царства, к^{<ото>}рым в 316 до н. э., через семь лет после смерти Александра, завладел Кассандр, сын умершего Антипатра. В 306 до н. э. Кассандр принял царский титул.

Историки считают, что именно при его дворе жил и работал Эвгемер Мессенский, писатель, близкий к киренаикам, т. е. к гедонической школе, основанной Аристиппом Киренским. Сенсуалисты в теории познания, киренаики склонялись к материализму; в дальнейшем их философия повлияет на Эпикура. считали высшей целью жизни удовольствие и посмеивались над Диогеном; представляли аристократический гедонизм и охотно жили при дворах эллинистических монархов.

Создавая свою гипотезу о том, что все боги суть обожествлённые государственные деятели, а мифы — наивные пересказы подлинных событий, Эвгемер выполнял «социальный заказ» Кассандра и других диадохов: он оправдывал александровский миф, явно неприемлемый для греков, тем, что все мифы, в том числе самые почтенные и привычные мифы греческой религии, имеют происхождение, аналогичное александровскому.

Открытая Александром эпоха эллинизма породила великий культурный синтез Запада и Востока. В этот синтез входило и слияние религиозных

культов, когда восточным богам подыскивались греческие соответствия, а иные синкретические боги специально «сочинялись» (напр<имер>, Серапис). Греки хорошо понимали, что слияние культов производится целенаправленно в интересах новой системы власти. Интеллектуальным затруднением для греков было то, что синкретические культы изобретались правительствами, религиозные синтезы декретировались, мифы сочинялись у всех на глазах путём слияния греческих и восточных мотивов. Происходило расшатывание местных культов, готовившее почву для зарождения универсальных религий.

«Священная запись» Эвгемера давала античным интеллектуалам моральную санкцию на такое расшатывание: святость религиозной традиции оказывалась, по Эвгемеру, весьма относительной; тайной теогонии стала история. Это был решительный шаг.

На глазах Эвгемера Мессенского Александр строил свой миф, а после смерти был вознесён в ранг полубога. В свете этих фактов Эвгемер осмыслил и прошлое религии. Он первым заявил, что религия имеет свою земную (человеческую) историю.

Обожествление великих исторических личностей, подобных Александру, Эвгемер трактовал как извечный и объективный закон мифотворчества, закон религиозного процесса. Тем самым он дал именно правлящим классам эллинистических держав идеологическую основу для их «боготворческой» государственной политики. Необходимо подчеркнуть, что позиция Эвгемера была иронически снисходительной: это атеизм «только для избранных», аристократический атеизм. Почему не обожествить Ал<ексан>дра, если так делалось всегда? Эвгемер понизил серьёзность религии, чтобы сделать новые религиозно-государственные эксперименты философски удобными для Греции.

Этот утончённый интеллектуалист стал западным идейным адвокатом восточной абсолютной монархии. Подрывая абсолютность богов и авторитет мифов, Эвгемер санкционировал государственное управление религией. Подобное управление есть чисто имперская позиция; отсюда такой успех книги Эвгемера у правящих классов эллинистических стран и Рима.

Эвгемеризм не имел ничего общего с насущными интересами и потребностями широких народных масс. Они-то нуждались в идеологическом обосновании сопротивления, в религиях, отрицающих жестокую, сильную государственность: чаяниям народов Ближнего Востока ответят манихеизм и раннее христианство.

Философская гипотеза Эвгемера станет исторической практикой Римской империи с её официальным обожествлением императоров, их жён и

даже фаворитов (напр<имер>, Антиноя). Иными словами, Эвгемер в «Священной записи» описал не прошлое народной религии, а будущее религии государственной.

Если объяснительная внешняя сторона эвгемеризма способствует прогрессу материализма и атеизма, то скрыто заключённый в эвгемеризме религиозно-политический принцип помогает строительству империй.

Приложение 1.

Исторические корни эвгемеризма*

I. Определение эвгемеризма; его высокая оценка в популярной философской литературе как разновидности античного атеизма.

II. Марксистский принцип рассмотрения всех явлений в контексте их среды и эпохи.

III. Аристократический и элитарный характер античного атеизма.

IV. Историч<еский> контекст Эвгемера.

V. Идеологические задачи державостроительства Александра (развитие и дополнение «освободительных» лозунгов Кира Великого). Божественный характер царской власти на Востоке и адаптация Ал<ексан>дра к новым условиям. «Сын Амона».

VI. ~~Эвгемер как эл~~ Ирония и дискомфорт в отношении эллинов к обожествлению Александра.

VII. Эвгемеризм как западное обоснование восточной практики Ал<ексан>дра и диадохов.

VIII. Выход за пределы этих целей и проблема «сверхзадачи» Эвгемера.

IX. Является ли Эвгемер одним из «святых» атеистич<еских> календаря?

Реакционное использование эвгемеризма, христианский эвгемеризм в истолковании ~~древнегреч~~ античных культов.

X. Утрата эвгемеризмом объяснит<ель>ной силы в условиях нашего времени и вульгарный характер эвгемерических тенденций в соврем<енном> атеизме. Универсальные причины возникновения мировых религий.

[оборот листа]

* В правом верхнем углу помета: «В конце Гегеля».

Философия Гегеля маскирует своё сущностное тождество с религией.
Тайна Гегеля — обожествление великих тиранов.

По Марксу, насилие есть повивальная бабка истории.

Революции — локомотивы истории (ускорение). Насильственная борьба против насилия есть может быть и революцией, и контрреволюцией.

Отказ от насилия (всякого) — это Будда, Христос, Торо, Толстой, Ганди. Видимо, Будда, Христос и Ганди исторически очень результативны. Но особенно Христос и Ганди, сокрушители империй.

Итак, эвгемеризм оправдывает сооружение империй, оправдывает насилие.

Противники насилия уничтожают империи.

Эвгемеризм есть признание мифич<еских> существ (богов) реальными людьми прошлого, *разоблачение религии как мистифицированной истории*.

! Гегелизм есть признание реальных людей аватарами единого божественного историч<еского> процесса, т. е. *объяснение истории как религии*. Да, он повлиял на Достоевского, хотел тот этого или не хотел.

И Эвгемер, и Гегель — идеологи империй. А Конфуций? Тоже!

Революционный гегельянец Гейне назвал Наполеона «мирским спасителем ч<еловече>ства».

Т. е. противоположность позиций либерализма и революционности. Все революц<ионе>ры преклоняются перед необх<одимо>стью.

Либерализм отвергает культ истории.

Эвгемер показал, что культ богов есть мистифицированный культ истории.

Гегель скрывает, что его религия (философская система) есть мистифицированный культ истории.

Тертуллиан, враг рационализма, — враг кесарей.

Рационализм Фомы оправдывает Афины, Аристотеля, кесарей...

Приложение 2.

Исторические корни эвгемеризма

I. Эвгемеризм Конфуция и его причины.

II. Ал<ексан>др Великий как творец мифа о самом себе *.

III. Эвгемер как идеолог абсолютной монархии. Обожествление Ал<ексан>дра подаёт как извечный закон мифотворчества, как стихийный признак религии.

IV. На деле Эвг<емер> описывает не прошлое, а будущее религии. Подлинно имперские, универсальные религии эвгемеричны. Речь не идёт о Христе, к<ото>рого сделало Богом фольклорное творч<ест>во масс, всё равно — был он или не был. Речь идёт о «равноапостольном» Константине, жестоком убийце. Объявлен святым за заслуги перед Ц<ерко>вью. Канонизация выдающихся госуд<арственных> деятелей — это «эвгемеризация».*

V. Эвгемеризм и Мохаммед, «князь пророков». Тоже творец мифа о себе, тоже освящён уверовавшими. Таков же путь Али.

VI. Рационализм вообще преклоняется перед насилием в истории и находит ему разумные оправдания. Наполеон и Гегель. М<ада>м де Сталь, просветительница, назвала Наполеона «Робеспьером на коне», отождествляя его диктатуру, с революционной и совпадая в этом с точкой зрения Питта. Гегель: «Мировой Дух на коне» — отождествил Наполеона с Богом (т. к. Бог Гегеля — это исторический процесс, а Нап<олеон> — его ярчайшее проявление). Эвгемеризм вверх ногами.

*В правом верхнем углу помета: «Эвгемеризм — это признание мифических существ (богов) реальными людьми».

*На поле слева запись: «Как только Империя признала христ<ианскую> веру, та обнаружила свой практический эвгемеризм».

Приложение 3.

Непредусмотрительность ростовщического капитала

I. Сенека, заём бриттам и расходы на подавление восстания.

II. Фуггеры, кредиторы пап и Карла V. Огромные прибыли в Америке. Ставка на Испанию и контрреформацию. Банки вынуждены делать политику, коль скоро они не туда вложили. Armada, госуд<арственное> банкротство Испании. Разорение Фуггеров.

III. Крупнейш<ие> операции Ротшильдов (заём Дизраэли на покупку акций у Хедива и миллион Сесилу Родсу).

IV. Предусмотрит<ель>ное изъятие денег из Баку после 1905. Авантюризм Детеринга после 1917.*

V. Сегодняшние кредиторы Латинской Америки. Ростовщики с их кабальн<ыми> процентами вызовут цепную реакцию банкротств и революций.

Суть дела в том, что, истощая своих должников кабальными процентами, заставляя их голодать ради своей сиюминутной выгоды, заимодавцы сами сеют семена бунта и подготавливают революции, тем более успешные и радикальные, чем более привязаны к банкам кредиторам правящие в этих странах режимы.

Латинская Америка ставит на повестку дня вопрос о гигантских долгах и способах их погашения. Кредиторам следовало бы отрешиться от утешительной мысли, будто время социальных революций прошло. Точно так же думали Стюарты, возвращаясь в Англию в 1660, и Бурбоны в 1815.

Банковский капитал дряхлеет: он начинает повторять ошибки Бурбонов.

Сегодня банки правят миром. Завтра им придётся собирать чемоданчики. Только куда они отплывут?

* На левом поле запись: «Царские займы — причина интервенции 14 держав. А внутр<енняя> слабость режима — причина победы революции».